

«Русская мысль», 1899, кн. I. (около 20 лн.)

Мас. №1546

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Художественно-общедоступный театр: *Чайка*, драма въ 4-хъ дѣйств., Антона Чехова; *Счастье Греты*, драма въ 3-хъ дѣйств., Эмили Мариотта, пер. О. Латорнора; *Трактирщица*, ком. въ 3-хъ дѣйств., Гольдони.—Малый театр: *Въ 1812 году. Разгромъ*, въ 4-хъ дѣйств., П. П. Глѣбича; *Ядро*, ком. въ 4-хъ дѣйств., М. Нордау, пер. съ нѣм. Л. Фрауенфельдъ.—Четвертая выставка акварелей, пастелей и рисунковъ, устроена Общ. Любит. Худ.—Выставка картинъ, эскизовъ и этюдовъ Е. Е. Шрейдера.

Въ прошедшемъ декабрѣ (1898 г.) наиболѣе крупною и любопытною новинкой на московскихъ сценахъ была драма Антона Чехова, *Чайка*, поставленная въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ. Ранѣе пьеса эта шла въ Петербургѣ и, мягко выражаясь, успѣха не имѣла. Признаемся, такой же неудачи мы опасались и на этотъ разъ, и, кажется, не мы одни. Въ великому нашему удовольствію, опасенія не оправдались, наоборотъ, *Чайка* имѣла блестящій успѣхъ, почти небывалый. По окончаніи пьесы, публика восторженно вызывала исполнителей, автора и режиссеровъ. Когда объявлено было, что Антона Павловича нѣтъ въ театрѣ, что онъ въ Ялтѣ, публика единодушно потребовала, чтобы ему тотчасъ же была послана приветственная и поздравительная телеграмма, — что и было исполнено завѣдующимъ репертуаромъ Вл. Из. Немировичемъ-Данченко. Мы не знаемъ, почему эта пьеса «не имѣла успѣха» въ Петербургѣ, но всѣмъ ясно стало, что тамъ ее «провалили», ибо въ Москвѣ съ первыхъ же сценъ всѣ въ театрѣ почувствовали, что передъ ними разворачивается далеко не заурядная драма, совершенно новая пьеса, по-новому задуманная, по-небывалому написанная и исполняемая какъ разъ въ томъ тонѣ, въ какомъ автору желательно. *Чайка* была напечатана въ нашемъ журналѣ (*Русская Мысль*, 1896 г., кн. XII), а потому содержаніе пьесы мы передавать не будемъ, ограничимся лишь тѣми напоминаніями и указаніями, какія считаемъ необходимыми для уясненія нашихъ сужденій объ исполненіи ея на сценѣ. Главное дѣйствующее лицо пьесы Константинъ Григорьевичъ Треплевъ (г. Мейерхольдъ) — «кіевскій мѣщанинъ», молодой человѣкъ, сынъ знаменитой провинціальной актрисы Прины Николаовны Арцадиной, по мужу Треплевой (г-жа Книпперъ). Если бы не стояло на афишѣ по мужу Треплевой, можно было бы предположить, что «кіевскій

шанинъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ обездоленныхъ, которые на свѣтъ рождаются «лишенными нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ» за грѣхъ родителей. Но разъ его мать «по мужу Треплева», такое предположеніе само собою отпадаетъ. Тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ весьма «уязвленъ» тѣмъ, что онъ «киевскій мѣшанинъ», тогда какъ его родной дядя по матери Петръ Николаевичъ Соринъ (г. Лужскій) — богатый помѣщикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, мать — большая артистка, «другъ ея сердца» Борисъ Алексѣевичъ Тригоринъ (г. Станиславскій) — прославленный писатель, и все ихъ общество помѣщичье и болѣе или менѣе достаточное. А у него «мѣшанина», Константина Треплева, нѣтъ ничего, ни положенія, ни имени, ни пятка своихъ денегъ, а есть только большое самолюбіе и не въ мѣру вздутое самоиѣніе. На этой почвѣ всесторонней неудовлетворенности запросовъ и «уязвленности» естественно развивается болѣзненная первность, доходящая до неврастенія подъ вліяніемъ неудачъ въ писательствѣ, мелкихъ уколовъ и существенныхъ огорченій отъ предпочтенія, которое отдають передъ нимъ «писателю» Тригориному молодая сосѣдка Нина Михайловна Зарѣчная (г-жа Роксанова). Константинъ Треплевъ — несомнѣнно больной, — такой же больной, какъ добрая половина людей, если не большинство, въ «нашъ первый вѣкъ». И такую же болѣзнью нѣтъ, — отчасти сознательнымъ, отчасти «безпредметнымъ тоскованіемъ» отъ неудовлетворенности, — болѣзнь чуть не всѣ поголовно, — «точно на самомъ дѣлѣ», — шепнула мнѣ въ послѣднемъ дѣйствіи молоденькая и преумиленная артистка. Вотъ въ этомъ-то «точно на самомъ дѣлѣ» и заключается все выдающееся значеніе пьесы Чехова. Тутъ почти ничего нѣтъ, «какъ въ театрѣ, какъ въ драмѣ», да и драмы-то въ сущности нѣтъ никакой, а страданія человѣческія есть, изъ-за малостей, но субъективно очень большія. Чайка, летавшая надъ озеромъ, птица малая. Ее убилъ изъ ружья Константинъ Треплевъ и принесъ немножко влюбленной въ него Нинѣ Зарѣчной. Зачѣмъ онъ убилъ красивую птицу? Такъ: въ рукахъ было заряженное ружье, и онъ выстрѣлилъ, и убилъ... Встрѣтилъ Зарѣчную знаменитый писатель Тригоринъ, поболталъ съ нею, пожемался, поломался... Зачѣмъ? — такъ: онъ всегда немного ломается, даже передъ самимъ собою. А молоденькая дѣвушка приняла все это за правду, за настоящее дѣло, и увлеклась знаменитымъ писателемъ, которому просто «скучно». Ему все надоѣло и его знаменитая провинціальная актриса Аркадина, и его писательство, и всѣ ухаживанія за нимъ, и, между прочимъ, влюбленность въ него Маша (г-жа Гаевская), немолодой дѣвушки, дочери управляющаго Шамраева (г. Артемъ). Тригоринъ боленъ тѣмъ, что ему «скучно», а боленъ онъ оттого, что первы у него истрепаны обязательнымъ писательствомъ, пустопорожними чувствами, никому не пужными и ему самому ни на что не пужными, такъ какъ надоѣли ему его связь съ Аркадиной и его собственное домашнее, обратившееся уже въ привычку. Аркадина больна общою болѣзью артистовъ, растерявшихъ во время долгой сценической карьеры подлинный смыслъ дѣйствительной жизни.

Да на самомъ-то дѣлѣ, гдѣ-жъ онъ этотъ подлинный «смыслъ жизни»? Кто его сохранилъ во всей неприкосновенности? Вотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ, онъ служилъ 27 лѣтъ по судебному вѣдомству, дослужился до генеральскаго чина, жилъ въ городѣ и сжился съ городомъ, и вдругъ вообразилъ, будто необыкновенно хорошо будетъ «отдохнуть» на старости лѣтъ въ деревнѣ, отъ которой онъ отсталъ и которая ему не пристала. И доотдыхался онъ до паралича «отъ бездѣлья», до сознанія, что онъ—«un homme qui a voulu», «человѣкъ, который хотѣлъ...» Чего хотѣлъ? Да онъ самъ не знаетъ,—хотѣлъ того же, чего и всѣ хотѣть или хотѣли, хотѣлъ «жизни», хотѣлъ удовлетворенности, и сѣлъ, какъ ракъ на мели, на кресло съ колесами, на какихъ возить парализковъ. Есть еще учитель сельской школы Медвѣденко (г. Тихомирова). Этотъ думалъ найти счастье и смыслъ жизни въ своей семьѣ и женился на дочери управляющаго, на Машѣ, влюбленной въ Тригорина, вскружившаго всѣмъ головы знаменитымъ писательствомъ. И за это Медвѣденко очутился тоже въ положеніи «человѣка, который хотѣлъ» и не получилъ ничего, кромѣ самаго горькаго разочарованія: вмѣстѣ семьѣ, онъ получалъ только ребенка, котораго его жена и знать не желаетъ, равно какъ и его самого, ея законнаго супруга. А она сама? Она тоже «хотѣла» замужествомъ, тихою семейною жизнью заглушить свою немного забавную и запоздавшую любовь къ знаменитому писателю,—хотѣла и не смогла, испортила жизнь себѣ и хорошему человѣку, добряку учителю. А впрочемъ, все равно, жизнь была бы испорчена, если бы Маша и не вышла замужъ, а осталась бы старою дѣвой въ чужой усадьбѣ при старомъ отцѣ, для котораго весь смыслъ существованія исчерпывается хозяйственными заботами и накопчиваніемъ собственнаго кармана на счетъ владѣльца имѣнія. Наивная, несмысленная, ничего не понимающая деревенская дѣвушка Нина Зарѣчная обольщена крохотнымъ и даже минимымъ сценическимъ успѣхомъ, фальшивыми похвалами театральнаго знаменитости Аркадиной, очарована кривляніями отъ скуки «знаменитаго» писателя Тригорина, истомлена собственною уныло сѣренькою жизнью мелкопомѣстнаго дворянства, и Нина явилась въ провинціально-театральную сутолоку. Нина тоже «хотѣла» успѣховъ, славы, любви литературной знаменитости, и со постагда участъ «чайки», которая летала надъ озеромъ... Есть въ пьесѣ еще врачъ Доринъ (г. Вишневскій), человѣкъ, какъ будто, наиболѣе крѣпкій и уравновѣшенный, но и онъ ничему и ни во что не вѣритъ, ни въ людей, ни въ науку, этотъ, по своему безвѣрію, даже ничего не хочетъ. Онъ смотритъ на жизнь со стороны и до известной степени упротворенъ тѣмъ, что жизнь людей есть не что иное, какъ рядъ психо-патологическихъ процессовъ, обусловленныхъ большимъ разнообразіемъ причинъ, и что съ ними, съ этими процессами и съ ихъ причинами, бороться бесполезно и неумно, ибо ни устранить ихъ, ни одолѣть нѣтъ никакой возможности. Докторъ, несомнѣнно, боленъ—безнадежностью и безвѣріемъ. И всѣ эти люди, проходящіе передъ нами на сценѣ, умѣютъ только «хотѣть», но ни у кого изъ нихъ не

хватает того именно, что необходимо для осуществления своих «хотений»: у них нет силы и нет веры ни в себя, ни в дѣло, за которое они берутся. У них в душѣ пусто. Знаменитый писатель Тригоринъ сочиняетъ романы и повѣсти совсѣмъ не потому, чтобы онъ имѣлъ въ головѣ какую-либо идею—въ смыслѣ идеала,—которымъ онъ считалъ бы обязательнымъ для себя и необходимымъ подѣлиться съ читателемъ; онъ просто отбываетъ писательскую повинность, потому что такое «рукоделие» ему выгодно, даетъ ему известность, положеніе и средства удовлетворять свои «хотѣнія», весьма невысокаго качества. Константинъ Треневъ неистово рвется къ писательству не потому, чтобы въ его головѣ и въ душѣ было действительно что-либо, чѣмъ онъ можетъ и долженъ подѣлиться съ людьми для ихъ пользы и блага. Молодой человекъ мечтаетъ лишь о томъ, чтобы сдѣлаться «знаменитостью», вродѣ Тригорина, и получить то, что знаменитости полагаются: большіе гонорары, извѣстный почетъ и ухаживанія. Отчаявшись добиться всего этого и видя постоянное торжество Тригорина, Константинъ кончаетъ самоубійствомъ. Лица эти не представляютъ собою типовъ, всѣ они—просто настоящіе живые люди, и передъ нами проходитъ на сценѣ ихъ настоящая жизнь «точно на самомъ дѣлѣ». Только жизнь эта оказывается какою-то для всѣхъ тяжелой, а намъ со стороны она кажется безпросвѣтною. Каждый живетъ самъ по себѣ и лишь для себя. Между ними нѣтъ ничего общаго, связывающаго ихъ и объединяющаго, хотя они и лезутъ другъ къ другу, но сблизиться никакъ не могутъ, потому что въ ихъ опустошенныхъ душахъ нѣтъ мѣста истинному чувству, а перелиты лишь извѣстнаго рода чувствительность, чаще всего направляемая на свою собственную особу. И вотъ это-то общее настроеніе разрозненности, неудовлетворенности, душевнаго одиночества, доходящаго до крайнихъ предѣловъ томленія, прекрасно передано артистами Художественнаго театра. Лучшими исполнителями были: г-жа Книпперъ и г. Мейерхольдъ, въ особенности превосходно прошла у нихъ сцена попытки матери и сына сблизиться,—сцена, закончившаяся жестокимъ взрывомъ и ссорой. Г. Станиславскій очень хорошо передалъ личность Тригорина. Въ его игрѣ есть, правда, маленькіе недочеты, у другихъ есть недочеты покрупнѣе и посущественнѣе. Но разбирать ихъ мы не будемъ: въ общемъ, артистами сдѣлано все, что можно желать, и пьеса имѣла огромный успѣхъ, благодаря тому, что самое существенное въ ней—«настроеніе»—удовлено артистами правильно и передано совершенно вѣрно, въ надлежащемъ тонѣ. Мы вышли изъ театра восхищенными небывалою у насъ пьесой и необыкновенною стройностью ансамбля у исполнителей. Ни въ пьесѣ, ни въ ея исполненіи ничего нѣтъ шаблоннаго или рутиннаго. Здѣсь все—ново и талантливо чрезвычайно, все изображено настолько тонко, что «сдѣлать» такую пьесу нельзя, ее можно только прочувствовать скорбною душой, крайне чуткой къ недугамъ и страданіямъ, изводящимъ извѣстнаго круга людей нашего общества.

Совершенно иное и непріятное впечатлѣніе произвела на насъ 3-й актъ драмы Эммы Маршета <....>

Ан.

<М. Н. Рензель>